

Глава 5. Замес теста

Едва рассвело. Утренний туман стлался по горам и лесам, но во дворе у подножия уже слышалось движение.

До обычного времени подъёма было ещё далеко, однако Цзянь Цинъюй проснулся от шума снаружи. В одно мгновение он соскочил с кровати и босиком замер у двери. В глазах вспыхнула настороженность, но тут же исчезла без следа, уступив место сонной усталости.

...Чуть не забыл! Теперь в его доме живут ещё двое.

Раз уж проснулся, Цзянь Цинъюй не стал снова ложиться спать. Он оделся, натянул соломенные сандалии и вышел из комнаты.

Этот небольшой дом остался от прежних деревенских хозяев. Посередине — главный зал, справа восточный флигель, слева западный. Западный был меньше восточного, зато состоял из двух комнат.

Сам Цзянь Цинъюй жил в восточном флигеле, а Линь Жуну с отцом отдал западный.

Стоило ему выйти, как он увидел во дворе Линь Гэня, небрежно устроившегося на обрубке бревна.

Линь Гэнь тоже заметил его и тут же неловко поднялся. На лице старика смешались смущение и какая-то странная неловкость.

Да и как тут не смущаться? Молодой мужчина перед ним теперь считался мужем его гера, но ни сватовства, ни выкупа, ни свадебного обряда — ничего этого не было.

Хотя все прекрасно понимали: Линь Жун вышел за Цзянь Цинъюя лишь затем, чтобы никто больше не цеплялся к тому, что взрослый гер всё ещё не женат, да и чтобы рядом оказался человек, способный присмотреть за Линь Гэнем.

И теперь Линь Гэнь стал для Цзянь Цинъюя тестем...

Линь Гэнь посмотрел вслед Цзянь Цинъюю, который лишь кивнул ему и направился к кухне, откуда уже тянулся дым. Старик устало провёл ладонью по лицу и тяжело вздохнул про себя.

И что это вообще за история такая...

Только вчера, когда Линь Жун вернулся домой с живой дикой курицей в руках, Линь Гэнь узнал, что Цзянь Цинъюй, оказывается, охотник.

А значит, его слова о том, что он беден и сам нуждается в том, чтобы гер его содержал, были ложью.

В глазах крестьянского люда больше всего зарабатывали три рода людей: охотники, мясники и плотники. И теперь Линь Гэнь ещё меньше понимал, что именно понадобилось этому зятю.

Подойдя к дверям кухни, Цзянь Цинъюй увидел внутри высокую худощавую фигуру, хлопотавшую у очага.

Кухня, которой почти не пользовались из-за того, что хозяин не умел готовить, обычно стояла захламлённая и покрытая пылью. Но сейчас в ней вдруг появилась жизнь — исчезли прежняя

пустота и тишина.

Цзянь Цинъюй остановился у двери, не заходя внутрь, и молча смотрел на эту сцену, словно потерявшись в мыслях.

Такую картину он не видел уже больше десяти лет. Она казалась чужой... и почему-то вызвала в душе лёгкую растерянность.

— ...

Над далёкими синеющими горами разносились чистые и протяжные птичьи крики.

Спустя некоторое время Цзянь Цинъюй пришёл в себя, опустил взгляд и вошёл внутрь.

На кухне клубился дым — от сырых дров в очаге и от горячего пара, поднимавшегося при открытии котла.

Линь Жун, сосредоточенно занимавшийся поднявшимся тестом, так увлёкся, что не заметил вошедшего. Лишь когда рядом прозвучал низкий хриловатый голос, он вздрогнул:

— Что делаешь?

Линь Жун от неожиданности дёрнулся, поспешно поднял голову и, увидев Цзянь Цинъюй, указал на миску с уже приготовленной начинкой из зелени и сушёных грибов.

— Ставлю тесто. Хочу сделать лепёшки с овощной начинкой.

Цзянь Цинъюй на мгновение замер. Его тёмные, словно обсидиан, глаза неотрывно смотрели на большой ком теста в руках гера.

Лишь спустя некоторое время он спросил:

— Ставишь тесто... Зачем вообще его ставить?

Линь Жун продолжал разминать тесто и попутно объяснял:

— Если дать тесту подняться, лепёшки и пампушки будут мягкими и упругими. А иначе получатся жёсткими и невкусными.

Глядя на то, как тесто под руками постепенно становится всё меньше и плотнее, Цзянь Цинъюй ненадолго потерял дар речи.

Неудивительно, что у него лепёшки и пампушки всегда выходили такими твёрдыми, что ими, казалось, можно было миски разбивать.

Увидев, как Линь Жун изо всех сил мнёт тесто, даже покрасневшись от натуги, Цзянь Цинъюй спокойно произнёс:

— Дай сюда. Иди занимайся другим.

Линь Жун застыл, и в его глазах открыто мелькнуло удивление.

Цзянь Цинъюй нахмурился:

— Чего замер?

Линь Жун пришёл в себя и, нерешительно отпуская тесто, тихо сказал:

— Ещё немного надо помесить. Просто выпустить воздух изнутри.

Цзянь Цинъюй тщательно вымыл руки и принялся с силой разминать тесто.

— Угу.

Линь Жун увидел, что тот и правда совершенно спокойно помогает на кухне и вовсе не злится, и только тогда облегчённо выдохнул.

Во взгляде его появилась лёгкость.

Может, он и не умеет, но хотя бы готов что-то делать. Уже одно это лучше, чем у всех мужчин, которых Линь Жун видел в деревне.

Похоже, его поспешное решение всё-таки оказалось не таким уж ошибочным.

Сам Цзянь Цинъюй и понятия не имел, о чём думает стоящий рядом гер. Быстро домесив тесто, он повернулся к Линь Жуну, который как раз разливал овощную кашу из котла в большой таз, чтобы остудить.

— А дальше?

Услышав вопрос, Линь Жун поспешно поставил таз с кашей в сторону и подошёл ближе.

— Всё уже готово. Осталось только испечь лепёшки.

Вымыв руки, Цзянь Цинъюй отошёл в сторону. Его взгляд остановился на маслёнке в руках Линь Жуна.

Это было не его масло.

Вообще, он заметил это ещё раньше: и грубая жёлтая мука, и нешлифованный рис для каши — всё было принесено Линь Жуну и его отцом. А из того, что раньше находилось на кухне, они не тронули ни крошки.

Осторожничают, соблюдают границы.

Подумал про себя Цзянь Цинъюй.

В тот день он просто был не в духе и ляпнул первое, что пришло в голову. Кто же знал, что этот гер возьмёт и одним махом разнесёт приготовленную им лазейку.

Не мог же он и вправду позволить Линь Жуну себя содержать.

Слишком уж это было бы позорно.

— Если закончится, в шкафу ещё есть, — сказал Цзянь Цинъюй, подумав об этом.

Линь Жун на миг замер с кувшинчиком масла в руках, но уже через пару вдохов снова принялся жарить лепёшки.

— Понял.

Цзянь Циньюй стоял рядом и смотрел, как тот запихивает остатки овощной и грибной начинки в последний жёлтый комочек теста.

— Если что-то нужно — бери. Закончится, скажешь мне.

Раз уж человек готовит ему еду, он, по крайней мере, обязан обеспечивать масло, соль, овощи и мясо.

Линь Жун ловко переворачивал лепёшки. В раскалённом масле раздавалось аппетитное шипение, запах масла смешивался с ароматом теста, наполняя тесную захламлённую кухню так, что невольно хотелось сглотнуть слюну.

Перед глазами клубился дымок от готовки. Услышав эти слова, Линь Жун слегка дрогнул ресницами и тихо ответил:

— Хорошо.

И ни словом не напомнил о том, что Цзянь Циньюй говорил в тот день.

В главном зале стоял совершенно новый большой стол. Его поверхность была оплетена гибкой прочной лозой, скрывавшей мелкие занозы и неровности древесины, отчего стол выглядел особенно аккуратным и искусным.

Рядом стояли четыре почти одинаковых стула, которые Цзянь Циньюй смастерил прошлым вечером меньше чем за четверть часа.

На стол поставили три большие миски с кашей. Посередине — деревянное блюдо с лепёшками с начинкой и маленькая тарелочка нарезанных квашеных овощных листьев, заправленных острым перцем.

Лепёшки ещё дымились жаром. Было видно, что их жарили в масле: золотистая хрустящая корочка поблёскивала жирком. Кисло-острый запах закуски тут же пробуждал аппетит.

Линь Жун с отцом и Цзянь Циньюй были почти чужими людьми, и теперь, сидя за одним столом, невольно ощущали неловкость. Никто не понимал, стоит ли вообще разговаривать.

Но стоило Линь Гэню увидеть завтрак, как он не удержался и изумлённо выдохнул:

— Ого...

Цзянь Циньюй сел за стол и поднял на него взгляд:

— Что такое?

Один глаз у Линь Гэня был мутно-белым от слепоты, а второй, здоровый, смотрел на еду с тяжёлым чувством. В его коротком смешке слышалась горькая усталость.

— За столько лет впервые ем что-то с самого утра.

Цзянь Циньюй поднял большую миску и сделал несколько жадных глотков. Каша была нужной температуры, аромат риса смешивался со свежестью зелени, приятно успокаивая желудок, давно привыкший к пустоте.

Подцепив палочками немного острой закуски, он спросил:

— Если не завтракать, как потом работать до полудня?

Даже в худшие времена, когда еды почти не было, он всё равно с утра заставлял себя сгрызть хотя бы сухую лепёшку. Терпеть голод было слишком тяжело.

Линь Жун тихо сидел рядом и ел, ничего не говоря.

— А куда деваться, если не выдерживаешь? Будь еда — кто бы отказался есть? — ответил Линь Гэнь и с болью посмотрел на сына рядом.

Семья Линь была пришлой, земли в деревне у них не имелось. Всё пропитание держалось на одном Линь Жуне. Во время страды он помогал тем, у кого было много полей, зарабатывая несколько медяков, а в остальное время ходил в горы собирать хворост, дикие травы и прочую мелкую добычу. Так они кое-как и перебивались.

Линь Жуну уже исполнилось двадцать два. Среди геров его возраста он считался высоким, но годы тяжёлой работы, постоянный голод и плохая пища сделали своё дело — его тело осталось худым и иссушенным. Руки и лицо юноши давно утратили присущую обычным герам нежность и белизну, став грубоватыми и сухими.

Взгляд Цзянь Цинъюя скользнул по ярким, но огрубевшим чертам лица Линь Жуна, после чего он неспешно взял лепёшку.

Корочка оказалась хрустящей. Непонятно, как именно этот гер приготовил лепёшку, но стоило её откусить и она рассыпалась крошками, тогда как внутренний слой теста возле начинки оставался мягким и упругим. Во рту сразу разлился аромат.

В несколько укусов прикончив лепёшку, Цзянь Цинъюй сказал:

— Я ем три раза в день. И ни один приём пищи пропускать не собираюсь. Привыкайте заранее.

— А?..

Линь Гэнь, всё ещё державший во рту лист квашеной закуски, растерянно поднял голову, будто не сразу понял смысл сказанного. Потом он покосился на сына, явно желая что-то сказать, но так и не решился.

Что же делать... Похоже, этот зять, пришедший в дом жены, жрёт немало. Они вообще смогут его прокормить?

Линь Жун ел быстро. К этому моменту большая миска овощной каши уже была пуста, да и одну лепёшку он тоже успел съесть. Поставив палочки, он выглядел совершенно не удивлённым.

Вчера вечером Цзянь Цинъюй сам приходил к нему.

Тогда Линь Жун немного нервничал и не понимал, зачем тот его позвал. Но Цзянь Цинъюй лишь бросил:

— Не забудь завтра утром приготовить что-нибудь.

Только тогда Линь Жун и понял, что этот человек завтракает по утрам.

После еды Цзянь Цинъюй сам собрал посуду и пошёл мыть её.

Линь Гэнь несколько раз пытался его остановить, но без толку. Глядя вслед уходящему на кухню мужчине, старик какое-то время молчал, а потом начал бормотать рядом с Линь Жун:

— Жун-жун, ты всё-таки удачно вышел замуж... Пусть он ест много, зато умеет тебя жалеть... Не зря... не зря...

Выходит, всё дело в том, что его Жун-жун красивый.

Линь Жун:

— ?

После завтрака они немного посидели.

Солнце уже поднялось высоко, и снаружи начала волнами подниматься жара.

Летом семьи, у которых были поля, вставали рано, стараясь закончить работу до того, как полуденное солнце станет палящим.

Но ни у семьи Линь, ни у Цзянь Цинъюя земли не было.

В это время года на полях уже не осталось диких трав, которые можно было собирать. Обычно Линь Жун уходил к подножию гор за хворостом, запасая его на продажу к зиме. Но ещё в тот момент, когда он зашёл на кухню, чтобы запечь для Цзянь Цинъюя дикую курицу, у него появилось желание привести всё здесь в порядок.

Раньше не было ни повода, ни возможности. А теперь возможность наконец появилась.

Не прошло и много времени после завтрака, как Линь Жун с головой ушёл в уборку.

Дверь кухни была закрыта. Изнутри то и дело доносились шорохи — что-то передвигали, стряхивали пыль, наводили порядок. Вода для работы уже давно стояла у входа.

Цзянь Цинъюй стоял посреди двора, а сидящий неподалёку Линь Гэнь смотрел то на землю, то на траву. Они оба молчали, не зная, чем заняться.

— ...

Опираясь на деревянный костыль, Линь Гэнь медленно поднялся и направился к поленнице.

— Пойду дрова колоть.

Небольшая кучка хвороста, что раньше лежала во дворе, теперь превратилась в настоящую стену из дров — выше самого Цзянь Цинъюя и длиной чуть ли не в половину двора.

Когда вчера они переносили всё во двор, даже Цзянь Цинъюй ненадолго потерял дар речи.

Это ж насколько надо быть трудолюбивым, чтобы натаскать столько дров...

Поняв, что делать ему всё равно нечего, Цзянь Цинъюй просто отправился в горы.

За деревней Дахэ тянулась бесконечная горная цепь — дикие, никому не принадлежащие горы,

вскормленные самой природой и скрывающие в себе бесчисленные богатства.

Но жители деревни осмеливались заходить лишь в леса у подножия. Говорили, что глубже обитают чёрные медведи, тигры, волки и прочие хищники. Даже опытные охотники, рискнувшие пройти чуть дальше обычного, фактически вешали собственную жизнь на волосок.

Несколько ярко-зелёных лоз, подобно змеям, металась среди деревьев, переплетаясь и образуя живую ловчую сеть, которая мгновенно опутывала замеченную добычу.

Несколько таких сетей, каждая со своей пойманной жертвой, одновременно стягивались в одном направлении.

Выполнив задачу, лозы самодовольно выпрямились у большого дерева и начали бешено раскачиваться перед расслабленно стоящим юношей, будто напрашиваясь на похвалу.

Цзянь Цинъюй равнодушно поднял взгляд. Его длинная светлая рука лениво взметнулась вверх... и в следующий миг раздался звонкий шлепок.

Он без малейшей жалости отвесил надоедливой лозе полноценную пощёчину.

Лоза тут же послушно сжалась и убралась прочь.

Этот лес находился глубоко в горах, куда никогда не ступала нога человека, поэтому Цзянь Цинъюй совсем не опасался использовать свои способности.

Стоя среди безлюдных зелёных гор и вдыхая свежий запах леса, он едва заметно приподнял уголки губ. Возможность без всяких ограничений выпустить на волю свою силу дарила давно забытое чувство свободы и расслабленности.

Здесь не было ни зомби, ни людей, готовых убивать друг друга за ресурсы. Его способности оказались почти бесполезны... разве что ловить дичь да мастерить столы со стульями можно.

У его ног лежала целая куча пойманных зверей, беспокойно дёргающихся и поскуливающих. Цзянь Цинъюй небрежно выбрал несколько самых мясистых, а остальных отпустил.

— Идём. Пора вам познакомиться с вашим Янь Ваном.

<http://bllate.org/book/17612/1638535>